

2. Zheltuhina M.R. Tropologicheskaja suggestivnost' massmedial'nogo diskursa: O probleme rechevogo vozdejstvija tropov v jazyke SMI: monogr. M.: IJa RAN; Volgograd: Izd-vo VF MUPK, 2003.

3. Zheltuhina M.R., Ukrainskaja A.V., Shmeleva O.D. Moda na biologicheski aktivnye dobavki i trenazheri: vozdejstvie mediareklamy na adresata cherez populjarizaciju bazovyh cennostej kitajskoj lingvokul'tury // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016. № 12–2 (66). S. 101–104.

4. Zheltuhina M.R., Shmeleva O.D. Adresovanost' v mediareklame: adresant i adresat // Problemy sovremennoj nauki. 2014. № 13. S. 67–74.

5. Zheltuhina M.R., Shmeleva O.D. O nekotoryh osobennostjah vozdejstvija sovremennoj mediareklamy // Sovremennaja filologija: materialy III Mezhdunar. nauch. konf. (g. Ufa, ijun' 2014 g.). Ufa: Leto, 2014. S. 134–137.

6. Osnovnye tropy i stilicheskie figury [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.velikayakultura.ru/kultura-rechi-russkiy-yazyk/osnovnyie-tropy-i-stilicheskie-figuryi> (data obrashhenija: 29.03.2017).

7. Pechatnaja reklama kosmetiki [Jelektronnyj resurs]. URL: [http://yandex.ru/images/search?text=\(data obrashhenija: 07.04.2017\)](http://yandex.ru/images/search?text=(data obrashhenija: 07.04.2017)).

8. Reklama kosmetiki [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://youtube.com> (data obrashhenija: 07.04.2017).

9. Reklama lekarstv [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://youtube.com> (data obrashhenija: 07.04.2017).

Basic verbal characteristics of Chinese and Russian medical and cosmetic media advertisement: linguistic and cultural features

The article deals with the basic verbal characteristics of the Chinese and Russian medical and cosmetic media advertisement based on the video and printed media texts. It is proved that in the Chinese and Russian linguistic cultures the grammatical and lexico-stylistic devices contribute to creating a vivid, accurate, convincing medical and cosmetic media advertisement, the purpose of which is to motivate the recipient to buy the advertised product or service.

Key words: *medical and cosmetic media advertisement, verbal characteristics, grammatical and lexico-stylistic devices, linguocultural features, Russia, China.*

(Статья поступила в редакцию 17.04.2017)

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

С.О. ЕГОРОВА
(Волгоград)

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ «МЕРТВЫХ ДУШ» Н.В. ГОГОЛЯ

Анализируются эсхатологические смыслы первого тома «Мертвых душ». Показывается, что всеобщее душевное омертвление, превращающее персонажей в бездуховную плоть, оказывается необходимым рубежом духовного воскрешения не только героев поэмы, но и всего русского мира. В его основе лежит превращение отъединенных друг от друга и потому неподвижных фигур во всеобщее и вечное вихревое движение Руси – «необгонимой тройки».

Ключевые слова: эсхатология, омертвление души, ветхая оболочка, духовное воскрешение, богатырство.

Эсхатологические значения первого тома «Мертвых душ» связываются традиционно с сатанинскими подтекстами скупки Чичиковым «мертвых» человеческих душ. Они исчерпывающе описаны в монографиях А.Х. Гольденберга и С.А. Гончарова, где подробно рассматриваются переклички характера и судьбы Чичикова с каноническими и апокрифическими биографиями антихриста [5, с. 134–145; ср.: 6, с. 208–219]. Е.Ю. Полтавец отмечает в VII главе реминисценции из Апокалипсиса в размышлениях Чичикова о судьбах купленных им крестьян, «оживающих» волею их нового владельца: *И увидел я мертвых, малых и великих, стоящих перед Богом, и книги раскрыты были... и судимы были мертвые, по написанному в книгах, сообразно с делами своими* (Откр.: гл. 20, ст. 12). После открытия в городе чичиковской аферы в последних главах первого тома рождается поток упоминаний об антихристе, Страшном суде, «апокалипсических цифрах».

Между тем в финальной главе первого тома сам Гоголь фактически удостоверяет, что роль нечистого внушена Чичикову неким высшим замыслом: *...есть страсти, которых избранные не от человека... Высшими начертаниями они ведутся, и есть в них что-то вечное зовущее, не умолкающее во всю жизнь. Зем-*

ное великое поприще суждено совершить им: все равно, в мрачном ли образе или пронестись светлым явленьем, возрадующим мир, – одинаково вызваны они для неведомого человеком блага. И, может быть, в сем же самом Чичикове страсть, его влекущая, уже не от него, и в холодном его существовании заключено то, что потом повергнет в прах и на колени человека пред мудростью небес (т. VI, с. 242)*.

Как показал А.Х. Гольденберг [5, с. 134–140], элементы облика, поведения и биографии Чичикова в равной степени соответствуют биографии не только сатаны, но и апостола Павла, т.е. являют модель так называемого кризисного жития, где духовному взлету предшествует грешный путь и обращение на низшей ступени падения. С этим, по сути, солидарен В.Ш. Кривонос [13, с. 33–34], показывающий, что история Чичикова в первом томе поэмы – это ряд падений как «временных смертей», т.е. потенциальных инициаций. Значит роль «улавливателя душ» как низшая ступень духовного падения героя представляет собою промежуточный рубеж «кризисного жития» – точку разворота на пути вверх. Чичиков не только противостоит русскому миру первого тома поэмы, но и принадлежит ему и призван измениться вместе с ним в двух последующих томах поэмы. Как же этот «эсхатологический» аспект биографии Чичикова может быть соотнесен с общей смысловой логикой «Мертвых душ» – с учетом того, что временное пришествие нечистого означает в дальнейшем Страшный Суд и воскрешение мертвых?

Жанр поэмы, предполагающий эпический характер проблематики «Мертвых душ» (подробнее см. в книге Ю.В. Манна [14, с. 274–353]), делает предметом ее рассмотрения судьбу не просто человека, но народа в целом. Уточняет характер «общенародной» проблематики «Мертвых душ» признание самого Гоголя о том, что целью поэмы было изобразить те пороки и добродетели современного человека, которые в русском характере проявились глубже, чем в характере других народов. В задуманной автором трехтомной структуре поэмы, ориентированной на «Божественную Комедию» Данте, «Адом» (т.е. обиталищем пороков), очевидно, выступал первый том «Мертвых душ» (ср., в частности наблюдения Е.Ю. Полтавец [16, с. 78, 120] о том, что 11 глав первого тома поэмы кратны 33 песням

каждой из частей «Божественной Комедии»), а воплощениями этих грехов, соответственно, – пять помещиков, последовательно объезжаемых Чичиковым. Е.А. Смирнова [19, с. 8, 20–26] справедливо замечает, что «народ» понимается в поэме Гоголя не в значении «социальных низов», но нации в целом, негатив которой пять помещиков собою тем самым и воплощают.

Суммарное значение их «порочности», объективно вытекающее из заглавия поэмы, косвенно проясняет фрагмент из гоголевского письма «Предметы для лирического поэта в нынешнее время», включенного им в книгу «Выбранные места из переписки с друзьями» (далее в тексте «Переписка»). Будучи совершенно самобытной, эта книга имела одной из целей развитие в публицистической форме ряда идей первого тома поэмы, недостаточно или неверно, по мнению Гоголя, понятых публикой (см. об этом подробнее: [1, с. 346]).

Принципиально важен следующий призыв Гоголя адресату письма: *...воззови к прекрасному, но дремлющему человеку... уже он далеко от берега, уже несет и несет его ничтожная верхушка света, несут обеды, ноги плясавиц, ежедневное сонное опьянение; нечувствительно облекается он плотью и стал уже весь плоть, и уже почти нет в нем души...* (т. VIII, с. 278). Этот призыв выглядит обобщением облика Собакевича во время чичиковского визита к нему: *Казалось, в этом теле совсем не было души, или она у него была, но вовсе не там, где следует, а, как у бессмертного Коцея, где-то за горами и скрыта такую толстою скорлупою, что все, что ни ворочалось на дне ее, не производило никакого впечатления на поверхности* (т. VI, с. 101).

Всеобщее омертвление душ, которые превращаются в бездуховную плоть, – фундаментальная проблема русского мира в первом томе поэмы Гоголя – и делает возможной роль Чичикова как улавливателя душ.

Как показывает Е.А. Смирнова [19, с. 92–108], сама морфология чичиковского пути в первом томе «Мертвых душ» и символика его рубежей «вырастает» из первой части поэмы Данте. Так, дом Манилова, посещаемого первым (что подразумевает наименьшую греховность в сравнении с остальными помещиками) единственный из всех расположен *на юру, то есть на возвышении <...> покатошь горы, на которой он стоял, была одета подстриженным дерном <...> две-три клумбы... пониже пруд...* (т. VI, с. 22).

* Здесь и далее после примеров из гоголевских текстов указаны тома и страницы полного академического собрания сочинений Н.В. Гоголя [4].

Это соотносит жилище Манилова с Лимбом – фактическим преддверьем Ада, где еще нет настоящих грешников: *высокий замок* на холме со *свежим садом*, вокруг которого «безжал приветливый родник» («Ада», IV) [7]. «Полнощный» приезд к Коробочке, перед домом которой герой впервые был выброшен из брички в *грязь*, соотносится с картинами второго и третьего кругов «Ада», где нарастают темы мрака и бури (т. VI, с. 43). Еще глубже в грязь герой опускается у Ноздрева: *Сначала они было береглись и переступали осторожно, но потом, увидя, что это ни к чему не служит, брели прямо, не разбирая, где большая, а где меньшая грязь* (т. VI, с. 74).

В доме Плюшкина бездна символически обобщается в виде «гравюра» с изображением тонущих коней, а *бледное отражение чувства* на лице самого Плюшкина сравнивается автором с последним появлением утопающего (т. VI, с. 126).

Дантовская «морфология» первого тома, очевидно, дает основания большинству гоголеведов, начиная с Андрея Белого [2, с. 103], видеть каждого следующего из объезжаемых Чичиковым помещиков первого тома «мертвее» предыдущего. Абсолютная неразделенность мира каждого помещика (включая крепостных) с ним самим, а равно заведомая беспорочность крепостного права для Гоголя дала А.И. Иваницкому [9, с. 161–170; 10, с. 113–120] основание предположить, что если сами помещики воплощают русский мир в первом томе поэмы, то под скупаемыми Чичиковым мертвыми душами, которые числятся живыми, подразумеваются *душевные свойства* этих людей. Когда-то они были присущи им, но умирают постепенно и почти неощутимо для их обладателей, что и превращает последних в бездуховную плоть.

С одной стороны, однонаправленное возрастание степени «омертвения» души каждого следующего помещика предполагает четкий критерий их сравнения между собой. Очевидно, что мера зла и добра в каждом из них определяется их реакцией на странное предложение Чичикова о продаже «душ». Вполне объяснима «верхняя» позиция Манилова – единственного, кто отдает Чичикову своих умерших крестьян даром, т.е. не совершающего греха продажи своего «душевного добра». В то же время Коробочка и особенно Собакевич, как не раз отмечалось, скарены и весьма боятся продешевить в сделке о «мертвых душах» [14, с. 163; ср.: 18, с. 9–10].

С другой стороны, дальнейшие моральные соотношения помещиков неоднозначны. Так, хозяйственный Собакевич во многих отношениях превосходит и Манилова, и Ноздрева. Ключ к их взаимному соотношению дают наблюдения Р.П. Шагиняна, Д.П. Ивинского, Е.Ю. Полтавец [20, с. 43; 11, с. 13; 16, с. 84] о том, что в смысловом плане Чичиков движется от помещика к помещику не только сверху вниз. Порядок объезжаемых Чичиковым помещиков представляет собою шахматную смену идеалистов и прагматиков (терминология Д.П. Ивинского). Это соответственно Манилов с Ноздревым и Коробочка с Собакевичем. По сути, перед нами оппозиция душевных «скупцов» и душевных «расточителей», углубляющая преемство дантовскому Аду, где скупцы и расточители помещены в один и тот же седьмой круг и обречены равному наказанию – бесцельному перетаскиванию камней.

Однако динамика нисхождения этого мира в первом томе поэмы оказывается парадоксальной. В работах В.А. Воропаева, И.А. Есаулова, А.И. Иваницкого, Е.Ю. Полтавец отмечалось, что по целому ряду признаков Плюшкин – не худший, а лучший среди продавцов «мертвых душ». Среди помещиков первого тома он наделен не просто биографией (ее элементы прочитываются в описаниях и Манилова, и Ноздрева), но эволюцией характера со сменой жизненных возрастов (т. VI, с. 117–120). Он богаче всех предшествующих партнеров Чичикова вместе взятых: у него *тысяча с лишком душ* (т. VI, с. 117), что в свете заданной в поэме системе символического тождества социального и душевного миров означает наибольшее богатство последнего. Он единственный, кто продает Чичикову не только мертвых, но и беглых крестьян. Это и обосновывает надежду на его духовное воскрешение в третьем томе поэмы, которое Гоголь предпринимает в тех же «Предметах для лирического поэта...» в «Переписке» (см. подробнее: [3, с. 12–13; 8, с. 78–79; 9, с. 167; 16, с. 112–113]).

Ю.В. Манн констатирует [14, с. 314–320; ср.: 18, с. 66–69], что из всех «медвежьих углов» «Мертвых душ» только запущенный сад Плюшкина производит отрадное впечатление на рассказчика: *...все было как-то пустынно – хорошо, как не выдумать ни природе, ни искусству* (т. VI, с. 113). Это неслучайно: локус Плюшкина, низшая точка бездны первого тома поэмы, по все той же модели дантовского Ада оказывается воронкой выхода на поверхность: *...в зияющий просвет; / И здесь мы*

вышли вновь узреть светила («Ад», XXXIV) [7]. По наблюдениям Ю.Н. Ковалевой [12, с. 52; ср.: 16, с. 111], именно после VI главы пейзаж «Мертвых душ» стремительно расширяется и светлеет, достигая кульминации к финалу первого тома, когда Чичиков бежит из города: *... только небо над головою, да легкие тучи, да продирающийся месяц одни кажутся недвижны* (т. VI, с. 246).

Таким образом, череда помещиков в первом томе «Мертвых душ» движется по той же духовной параболе, что и фабульно противостоящий им Чичиков. Важно здесь соображение В.А. Воропаева [3, с. 12] о том, что герои первого тома «Мертвых душ» духовно мертвы не вполне. В уточнении этой мысли А.С. Смирнов [18, с. 82–84] отмечает, что в изображении каждого из героев первого тома своей поэмы Гоголь выделяет два плана: исконно заложенное в человеке его родовой и национальной природой (т. е. существующее потенциально) и актуальное состояние, представляющее собою искажающее естество в силу забвения человеком своего назначения на земле. Значит, возродиться должен не один Плюшкин. Он лишь суммирует общее движение других помещиков (а в их лице всего русского мира первого тома поэмы), что и задает эпический масштаб «Мертвых душ». Нижняя точка падения, воплощаемая Плюшкиным, есть в то же время рубеж грядущего воскрешения – как это затем Гоголь сформулирует в «Переписке» в одном из писем, посвященных «Мертвым душам», объясняя сожжение второго тома поэмы: «“Не оживет, аще не умрет”, – говорит апостол».

Финал первого тома поэмы – двухступенчатое сравнение брички Чичикова с русской «птицей-тройкой», а той в свою очередь – с «бойкой, необгонимой тройкой» – Русью (являющееся, по сути, моделью двухступенчатого преобразования русского мира в двух последующих томах) – не только окончательно включает главного героя в этот преобразующийся мир (исходный объект гомерических сравнений – именно его бричка), но и проясняет характер будущего воскрешения и преобразования (об известных Гоголю риторических источниках этой топики, наделявших ее русским национальным пафосом, см. подробнее: [17, с. 23–30]).

В работе Е.А. Смирновой [19, с. 29 и далее] развернуто показано, что предметом возрождения дремлющего идеала в русском человеке первого тома выступает богатство. Его мотив в поэме сквозной: начиная с упомина-

ния в I главе о *нынешнем времени*, <...> *когда и на Руси начинают уже выводиться богатыри* (т. VI, с. 17), до апофеоза в финальной главе: *Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройтись ему?..* (т. VI, с. 221). При этом, как показывает А.С. Смирнов [18, с. 84–85; ср.: 15, с. 32], комические ипостаси богатства как потенциал возврата к богатству подлинному присутствуют у всех помещиков-мужчин.

Между тем отчетливо прослеживается, что в каждом помещике и окружающем его мире богатство предстает в ключе предшествующего творчества Гоголя и прежде всего «Тараса Бульбы». Если применительно к Манилову это лишь неявные переключки «античных» имен детей с казаками «Тараса Бульбы», *которые знали, что такое Гораций, Цицерон и римская республика* (т. II, с. 66), то Ноздрев соотнесен с Сечью абсолютным неприятием одиночества и покоя: *Дома он больше дня никак не мог усидеть. Чуткой нос его слышал за несколько десятков верст, где была ярмарка со всякими съездами и балами...* (т. VI, с. 70). Ярмарка и ярмарочный бал выступают временным (циклически повторяющимся) аналогом Сечи, которую рассказчику в «Тарасе Бульбе» напоминает *какое-то беспрерывное и ирешество, бал, начавшийся шумно и потерявший конец свой* (т. II, с. 64).

Обжорство Собакевича неотделимо от самовосхваления в этом качестве: *У меня когда свинина, всю свинью давай на стол; баранина – всего барана тащи, гусь – всего гуся! Лучшее я съем двух блюд, да съем в меру, как душа требует* (т. VI, с. 99–100). Такое самовосхваление весьма близко словам Тараса Бульбы в упомянутой сцене встречи сыновей из бурсы: *Не нужно пампушек, медовиков, маковников и других пундиков; тащи нам всего барана, козу давай...* (т. II, с. 43).

В новое качество «сечевой» ключ «богатства» помещиков переходит в сцене фантазирования Чичиковым в VII главе биографий купленных им беглых крестьян Плюшкина, имеющих (в соответствии с фигурой хозяина) три ключевых отличия от прочих покупок: они живы, свободны и всегда в пути. Поэтически эти рассуждения Чичикова восходят к бродяжьи, ямщицким, бурлацким и разбойничьи песням, т.е. посвящены людям большой дороги, самим выбирающим свою судьбу (см. [19, с. 102]).

В чем же суммарное значение сечевого, «вольного-кочевого» богатства «Тараса Бульбы», которое подспудно утверждается в

«Мертвых душах» в качестве возрождаемого идеала? Во-первых, народное бытие абсолютно коллективно, как *разгульное море* (т. II, с. 67). Во-вторых, идеальное воплощение такого бытия для Гоголя в «Тарасе Бульбе» – это буйный и нескончаемый танец, т.е. вечное (в желанном рассказчику пределе) «вихревое» движение: *...вся толпа отдирала танец, самый вольный... который, по своим мощным изобретателям, носит название козачка... Он (человек) в оковах везде <...> но он волен <...> потерявшись в бешеном танце, где душа его не боится тела и возносится вольными прыжками, готовая завеселиться на вечность* (выделено нами. – С.Е.). (т. II, с. 300).

Душа, которая в стремлении *завеселиться на вечность <...> не боится тела*, означает, что тело выступает препятствием на пути такого вечного веселья в неостановимом движении. Следовательно, отдельные тела для достижения духовного идеала должны слиться воедино в вечном коллективном вихревом движении, подобном полету. Именно такой триумфальный полет Руси пророчится Гоголем в финале первого тома «Мертвых душ». Духовное омертвление русского человека преодолевается, по мысли автора, вместе с его отъединением от мира.

Список литературы

1. Аксаков С.Т. История моего знакомства с Гоголем // Его же. Собрание сочинений: в 5 т. М.: Изд-во «Правда», 1966. Т. 3.
2. Андрей Белый. Мастерство Гоголя. М.–Л.: ОГИЗ, 1934.
3. Воропаев В.А. Мертвые души: кто они? О названии поэмы Н.В. Гоголя // Русская речь. 2002. № 3. С. 10–13.
4. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: в 14 т. М.–Л.: АН СССР, 1937–1952.
5. Гольденберг А.Х. Архетипы в поэтике Н.В. Гоголя М.: ФЛИНТА, Наука, 2012.
6. Гончаров С.А. Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1997.
7. Данте Алигьери. Божественная Комедия / пер. М. Лозинского. М.: Изд-во «Правда», 1982.
8. Есаулов И.А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводск. ун-та, 1995.
9. Иваницкий А.И. Что могут означать «мертвые души» в поэме Гоголя? // Гоголь и славянский мир (Русская и украинская рецепции). Вып. 3. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2010. С. 161–170.
10. Иваницкий А.И. Сюжет «Мертвых душ» как барочная метафора // Двенадцатые Гоголевские чтения. Гоголь и традиционная славянская культура. Новосибирск: Новосиб. изд. Дом, 2012. С. 113–120.
11. Ивинский Д.П. К гоголевской типологии характеров: «галерея помещиков» в «Мертвых душах» // Русская словесность. 1997. № 6. С. 11–14.
12. Ковалева Ю.Н. Пейзаж и становление замысла «мертвых душ» // Пейзаж в русской литературе: материалы Всерос. науч. конф. Волгоград: 2000. С. 50–56.
13. Кривонос В.Ш. Порог и «пороговый» герой в поэме Гоголя «Мертвые души» // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2008. Т. 67. № 3. С. 33–39.
14. Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. М.: Худож. лит., 1978.
15. Монахов С.И. Жанрово-стилевые модели в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Русская литература. 2007. № 1. С. 24–46.
16. Полтавец Е.Ю. «Мертвые души» Н.В. Гоголя: Опыт комментированного чтения // Литература в школе. 1998. № 2.
17. Сазонова Л.И. Литературная родословная гоголевской птицы-тройки // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2000. Т. 59. № 2. С. 23–30.
18. Смирнов А.С. «Мертвые души» Н.В. Гоголя и романтическая ирония // Литературный текст: проблем и методы исследования. Вып. V: «Свое» и «чужое» слово в художественном контексте. Тверь: Тверской гос. ун-т, 1999. С. 80–86.
19. Смирнова Е.А. Поэма Гоголя «Мертвые души». Л.: Наука, 1987.
20. Шагинян Р.П. Пафос «Мертвых душ» и его художественное воплощение // Проблемы поэтики. Ташкент: Фан, 1968. С. 40–50.

* * *

1. Aksakov S.T. Istorija moego znakomstva s Gogolem // Ego zhe. Sbranie sochinenij: v 5 t. M.: Izd-vo «Pravda», 1966. T. 3.
2. Andrej Belyj. Masterstvo Gogolja. M.–L.: OGIZ, 1934.
3. Voropaev V.A. Mertvyje dushi: kto oni? O nazvanii pojemy N.V. Gogolja // Russkaja rech'. 2002. № 3. S. 10–13.
4. Gogol' N.V. Polnoe sobranie sochinenij: v 14 t. M.–L.: AN SSSR, 1937–1952.
5. Gol'denberg A.H. Arhetipy v pojetike N.V. Gogolja M.: FLINTA, Nauka, 2012.
6. Goncharov S.A. Tvorchestvo Gogolja v religiozno-misticheskom kontekste. SPb.: Izd-vo RGPU im. A.I. Gercena, 1997.
7. Dante Alig'eri. Bozhestvennaja Komedija / per. M. Lozinskogo. M.: Izd-vo «Pravda», 1982.
8. Esaulov I.A. Kategorija sobornosti v russkoj literature. Petrozavodsk: Izd-vo Petrozavodsk. un-ta, 1995.
9. Ivanickij A.I. Chto mogut oznachat' «mertvyje dushi» v pojeme Gogolja? // Gogol' i slavjanskij mir

(Russkaja i ukrainskaja recepcii). Vyp. 3. Tomsk: Izd-vo Tomsk. un-ta, 2010. S. 161–170.

10. Ivanickij A.I. Sjužhet «Mertvyh dush» kak barochnaja metafora // Dvenadcatye Gogolevskie chtenija. Gogol' i tradicionnaja slavjanskaja kul'tura. Novosibirsk: Novosib. izd. Dom, 2012. S. 113–120.

11. Ivinskij D.P. K gogolevskoj tipologii harakterov: «galereja pomeshhikov» v «Mertvyh dushah» // Russkaja slovesnost'. 1997. № 6. S. 11–14.

12. Kovaleva Ju.N. Pejzazh i stanovlenie zamysla «mertvyh dush» // Pejzazh v russkoj literature: materialy Vseros. nauch. konf. Volgograd: 2000. S. 50–56.

13. Krivonos V.Sh. Porog i «porogovyj» geroj v pojeme Gogolja «Mertvye dushi» // Izvestija RAN. Serija literatury i jazyka. 2008. T. 67. № 3. S. 33–39.

14. Mann Ju.V. Pojetika Gogolja. M.: Hudozh. lit., 1978.

15. Monahov S.I. Zhanrovo-stilevyje modeli v pojeme N.V. Gogolja «Mertvye dushi» // Russkaja literatura. 2007. № 1. S. 24–46.

16. Poltavec E.Ju. «Mertvye dushi» N.V. Gogolja: Opyt kommentirovannogo chtenija // Literatura v shkole. 1998. № 2.

17. Sazonova L.I. Literaturnaja rodoslovnaja gogolevskoj pticy-trojki // Izvestija RAN. Serija literatury i jazyka. 2000. T. 59. № 2. S. 23–30.

18. Smirnov A.S. «Mertvye dushi» N.V. Gogolja i romanticheskaja ironija // Literaturnyj tekst: problem i metody issledovanija. Vyp. V: «Svoe» i «chuzhoe» slovo v hudozhestvennom kontekste. Tver': Tverskoj gos. un-t, 1999. S. 80–86.

19. Smirnova E.A. Pojema Gogolja «Mertvye dushi». L.: Nauka, 1987.

20. Shaginjan R.P. Pafos «Mertvyh dush» i ego hudozhestvennoe voploshhenie // Problemy pojetiki. Tashkent: Fan, 1968. S. 40–50.

Eschatological sense of “Dead Souls” by N.V. Gogol

The article deals with the eschatological sense of the first volume of “Dead Souls”. It is shown that the universal spiritual mortification, which turns the characters into soulless flesh, is the necessary boundary of spiritual resurrection not only of the characters of the poem, but of the entire Russian world. It is based on the transformation of the separated from each other and therefore motionless figures in the universal and eternal vortex movement of Russia – “non-overtaken troika”.

Key words: *eschatology, soul mortification, old shell, spiritual resurrection, heroism.*

(Статья поступила в редакцию 01.03.2017)

Л.В. ЖАРАВИНА
(Волгоград)

ЦИКЛ А. БЛОКА «ЗАКЛЯТИЕ ОГНЕМ И МРАКОМ» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ КОНТЕКСТЕ В. ШАЛАМОВА: ПАРАЛЛЕЛИ И КОНТРПАРАЛЛЕЛИ

Рассматривается функционирование поэтических образов А. Блока в художественном мире В. Шаламова. Сравнительно-сопоставительный аспект реализован в процессе включения цикла «Заключение огнем и мраком» в контекст рассказа «Необращенный». Делается попытка расширить современную тропологию за счет понятия эвокативности, что позволяет охарактеризовать эстетико-аксиологические ориентиры авторов в их уникальности.

Ключевые слова: виртуальность, метафора, образ, тропология, христианский канон, эвокация.

Беспрецедентное воздействие на В. Шаламова поэзии А. Блока удостоверяется многими мемуаристами. Впрочем, стократ глубже и полновесней любых мемуарных свидетельств говорит (так и просится старинный слог – *вопиет*) тот факт, что в качестве эпиграфа к «Колымским тетрадам», включающим стихи разных периодов, взяты пронзительные блоковские строки: *И пусть над нашим смертным ложем / Взовется с криком воронье, – / Те, кто достойней, Боже, Боже, / Да узрят Царствие Твое!* (финал стихотворения «Рожденные в года глухие...») [2, т. 3, с. 187].

Более того: ссылки на Блока проходят через все творчество Шаламова – прозу, эссеистику, размышления о проблемах литературного мастерства, письма, дневниковые записи, а главное – поэзию. Глубинное родство поэтов остро почувствовал Б.Л. Пастернак, отказавшись вернуть Шаламову рукопись с колымскими стихами: «Я никогда не верну Вам синей тетрадки. Это настоящие стихи сильного, самобытного поэта <...>. Пусть лежит у меня рядом со вторым томиком алконостовского Блока <...>. Этих вещей на свете так мало» [12, т. 6, с. 57].

«Писательская судьба – трудная, жуткая, “коварная судьба”», – утверждал Блок [2,